

УДК 141
doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-4.09
5.7.7.

Социально-экономический базис философии

Анна Олеговна Слепцова

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия,
sleptsova_ao@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5466-8608>

Аннотация. В статье с позиции исторического материализма рассматривается, как социально-экономический базис определяет направление развития философского знания. Было обнаружено, что философия отражает тенденции социально-экономического развития и реагирует на противоречия, присущие его конкретному этапу. Однако детерминизм этот не следует абсолютизировать, поскольку философия не ограничивается в XX в. только анализом последствий развития экономики. Анализ наиболее значимых работ, затрагивающих специфику функционирования общества в условиях рыночной экономики, свидетельствует о том, что в философской мысли указанного периода обнаруживается обеспокоенность фактом тотального детерминирования человека экономической системой. Авторы единогласны в вопросе основной проблемы общества потребления, видя ее в дегуманизации ценностных ориентиров и распространении культа потребления. Положение К. Маркса о разделении общества на два класса в зависимости от отношения к средствам производства и рассмотрение этого отношения как социального маркера подтвердил Т. Веблен, когда обнаружил ассоциативную связь между моральной деградацией и тяжелым физическим трудом. Было обнаружено, что воззрения О. Шпенглера хотя и противоречат всем социалистическим ценностям и являются апологией хищного капитализма, но по сути подтверждают историчность философии как надстройки, в данном случае надстройки над социально-экономической системой довоенной Германии. Со второй половины XX века в философии данного направления настороженность, вызываемая экономическим диктатом, сменяется констатацией невозможности другого варианта развития социума. С точки зрения исторического материализма подобная оценка философией современной социально-экономической ситуации свидетельствует о нарастании в ней противоречий вследствие надделения материальных благ символической ценностью и распространения ее на смысложизненные ориентиры.

Ключевые слова: социально-экономический базис, исторический материализм, надстройка, философия, научно-технический прогресс, дегуманизация

Для цитирования: Слепцова А. О. Социально-экономический базис философии // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 4. С. 111–119. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-4.09.

Socio-Economic Basis of Philosophy

Anna O. Sleptsova

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia,
sleptsova_ao@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5466-8608>

Abstract. The article examines how the socio-economic basis determines the direction of development of philosophical knowledge from the standpoint of historical materialism. It was found that philosophy reflects the trends of socio-economic development and responds to the

contradictions inherent in a particular stage. However, this determinism should not be absolutized, since philosophy in the 20th century is not limited to only analyzing the consequences of economic development. An analysis of the seminal works that address the intricacies of societal operation in a market-driven economy reveals a preoccupation of the philosophical discourse of the period with the notion of human existence being completely predetermined by the economic order. The authors are unanimous in the question of the main problem of consumer society, seeing it in the dehumanization of value guidelines and the spread of the cult of consumption. K. Marx's position on the division of society into two classes depending on the attitude to the means of production and the consideration of this attitude as a social marker was confirmed by T. Veblen, when he discovered an associative connection between moral degradation and hard physical labor. It was found that the views of O. Spengler, although they contradict all socialist values and are an apology for predatory capitalism, in essence confirm the historicity of philosophy as a superstructure, in this case, a superstructure over the socio-economic system of pre-war Germany. Since the second half of the 20th century, in the philosophy of this direction, wariness of economic dictates is replaced by a statement of the impossibility of another option for the development of society. From the perspective of historical materialism, such an assessment of the modern socio-economic situation by philosophy testifies to the growth of contradictions in it due to the endowment of material goods with symbolic value and its extension to life-meaning guidelines.

Keywords: socio-economic basis, historical materialism, superstructure, philosophy, scientific and technological progress, dehumanization

For citation: Sleptsova AO. Socio-Economic Basis of Philosophy. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University. 2025;13(4):111-119. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-4.09.*

Исторический материализм утверждает, что способ производства материальных благ конкретной эпохи оказывает значительное влияние на все сферы жизни в этот исторический период. Кроме того, согласно этому учению, человек определяется своим положением по отношению к средствам производства, все зависит от того, обладает ли он ими или же работает на того, кто ими обладает. Таким образом, материальная сторона бытия влияет на духовную, то, каким образом человек обеспечивает свою физическую жизнь, определяет его идеи, принципы, мораль, т. е. материальный базис воздействует на духовную надстройку. Однако не следует понимать надстройку исключительно как следствие материалистического детерминизма, ведь она сама меняет экономическую реальность. Так, по словам Ф. Энгельса, «...то, что мы называем идеологическим воззрением, в свою очередь, оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать...» [Маркс, Энгельс 1965, с. 418]. Эта общеизвестная суть исторического материализма имеет методологическую ценность при рассмотрении такого феномена, как современная постмарксистская философия, поскольку поможет определить логику ее развития и выявить влияние материальной стороны бытия на нее, а также выявить зону ее относительной автономности.

Заявленная тема обладает высокой степенью новизны, поскольку ранее была мало изучена. Рассмотрение социально-экономического детерминизма философии характерно для узкого круга современных исследований, кроме того, это направление не является для них ключевым.

В статье «Философия экономики: становление, структура и современные функции» М. М. Скибицкий анализирует социально-экономическую обусловленность этого направления в контексте таких тенденций, как информатизация и глобализация. По мнению автора, философия экономики должна стремиться решить насущную проблему современной экономической системы, а именно ее дегуманизации. Данная работа подтверждает тезис о том, что социально-экономический фактор оказывает значительное влияние на философию в целом. Бесспорна также роль философии как защиты от тотального экономизма человеческого бытия, утверждаемая М. М. Скибицким [Скибицкий 2012, с. 13], что, по сути, и реализуют труды Т. Веблена, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяра и др.

Статья «Философия и экономика: аспекты взаимоотношения» Н. Б. Поляковой посвящена доказательству того, что экономика не может рассматриваться как единственная реальность, как это было провозглашено К. Марксом, который заменил ею «Абсолютную Идею» Г. Гегеля [Полякова 2015, с. 5]. Для философии экономическая деятельность, по мнению Н. Б. Поляковой, это только одна из сфер бытия, «одна из множества линий развития человеческого существования» [Там же, с. 8], а не универсальная детерминанта. Здесь, бесспорно, следует согласиться с автором, поскольку не вся философия XX века посвящена проблемам, вызванным новой экономической реальностью, есть темы, которые современная философия наследует из времени, когда хозяйственная деятельность имела иные формы, однако эти темы актуальности не потеряли. Эту же точку зрения разделял Р. Уильямс. В работе «Базис и надстройка в марксистской теории культуры» им отрицается тотальность материалистического детерминизма культуры и подчеркивается опосредованность воздействия экономики на нее [Уильямс 2012, с. 138].

Возрождающийся интерес к марксизму был обнаружен П. Н. Кондрашовым. В статье «Концепция историчности экзистенциального бытия в философии Карла Маркса» автор обращает внимание на «смещение марксистских исследований с макросоциальных процессов в экономике и политике на анализ культурологических и микросоциальных аспектов человеческого бытия» [Кондрашов 2016, с. 125], что подтверждает высокую методологическую ценность марксизма и целесообразность его использования в этом качестве.

Философия в ракурсе исторического материализма есть надстройка над материальным базисом, который определяет унастроение эпохи и комплекс экзистенциальных проблем, которые выходят на первый план. С конца XIX века научно-технический прогресс начал радикально менять материальную базу человеческого бытия и тем самым дал философии новую пищу для размышлений. Появление новых видов транспорта, изобретение радио, создание новых конструкционных материалов и распространение конвейерного производства изменили не только мир, но и восприятие мира человеком. Предметом осмысления, который возник как реакция на индустриализацию и глобализацию, стал, не единожды решенный в разных философских системах, основной вопрос философии о соотношении материального и духовного. Именно актуализация этого вопроса стала отражением духа времени, поэтому целесообразным представляется подвергнуть рефлексии философию последнего столетия, посвященную этой проблеме. Если марксизм подвергся детальному анализу, то работы, испытавшие его влияние, требуют их рассмотрения как отражающих новый этап развития философии, новую надстройку над новым базисом. Если К. Маркс анализировал зарождающийся капитализм, то капитализм, достигший своего апогея, исследовался весь XX век.

Одним из первых, кто после К. Маркса заговорил о диктате материальности, был Т. Веблен. Его труд «Теория праздного класса», появившийся на рубеже XIX–XX вв., провозглашал детерминацию человека отношением к производству материальных благ. Это явление социолог наблюдал в конце XIX века в индустриальном Чикаго, где существовали два мира: мир рабочих и мир праздного класса. Если первые погрязли в нищете, ютились в трущобах и боролись за восьмичасовой рабочий день, то вторые занимались демонстрацией роскоши во всех ее проявлениях. Историческое разделение человеческого социума на тех, кто производит материальные блага, и тех, кто их потребляет, привело к тому, что «ручной труд, производство и все, что непосредственно связано с повседневным добыванием средств к существованию, является занятием, вменяемым в обязанность исключительно низшим слоям общества» [Веблен 2021, с. 9]. Более того, Т. Веблен обнаруживает мыслительный паттерн, который маркирует этот труд как недостойный: «Нам свойственно воображать такую ритуальную грязь, которая будто бы сопутствует тем занятиям, что в нашем мышлении связываются с черновой работой» [Там же, с. 42]. Следует понимать, что эта «ритуальная грязь» есть следствие образа жизни эксплуатируемого класса, в котором, согласно К. Марксу, про-

исходит «накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации» [Маркс 1952, т. 1, с. 651], так эксплуатация пролетариата, не ограничиваясь физическим порабощением, лишает его всякого человеческого достоинства.

При этом для праздного класса негласно вменяется в обязанность заниматься демонстративным потреблением, поскольку «для праздного господина нарочитое потребление материальных ценностей является способом обрести уважение общества» [Веблен 2021, с. 42]. У Т. Веблена производственный труд и материальное благополучие стали взаимоисключающими явлениями, а приобретение товаров стало гонкой за социальным признанием, которую был обязан вести праздный класс. Приобретение материальных ценностей, не являющихся необходимыми для жизни, формирует в данном случае принадлежность к конкретному социальному классу и, следовательно, определяет всю культурную надстройку человека, начиная от этикета и заканчивая модой. В «Капитале» К. Маркс называл эту особенность «мистическим характером товара» [Маркс 1952, т. 1, с. 77], который выражался в том, что в социальной реальности товар помимо потребительской стоимости имеет меновую, которая и включает в себя его ценность как символа определенного социального статуса. Следует заметить, что здесь уже наблюдается процесс идеологического детерминизма как диалектической противоположности материалистического: такая нематериальная субстанция, как символ, влияет на экономическое поведение людей.

В 1919 г. в работе «Научное мировоззрение» британский философ Б. Рассел пишет о приближении новой эры развития человечества, эры, когда полностью завершится подчинение человеком природы. Мир того времени, по мнению ученого, уже содержит черты антиутопии. Он обнаруживает глобальную тенденцию к социальной гомогенности вследствие научно-технического прогресса: «Современные изобретения и современная техника оказали мощное влияние на формирование единообразия мнений и сделали людей менее индивидуальными, чем они были раньше» [Russell 1962, p. 197]. Для Б. Рассела очевидно, что в дальнейшем это влияние будет только возрастать, подминая под свои нужды существующую социальную жизнь и традиционные общественные институты. Работа «Научное мировоззрение» Б. Рассела вдохновила О. Хаксли на создание антиутопии «О дивный новый мир» в 1932 г., где писатель создал картину мира, о пришествии которого предостерегал Б. Рассел, мира, в котором технократическая социальная система окончательно лишит человека его сущности.

Однако научно-технический прогресс не у всех мыслителей вызывал настороженность. Представитель философии жизни О. Шпенглер в работе «Человек и техника» отразил умонастроение, характерное для немецкого общества 30-х гг. прошлого века. Общемировой финансовый кризис и тяжелые условия Версальского мирного договора привели к тоске по блестящим перспективам времен довоенной Германии, когда вера в прогресс науки и техники рисовала безмятежное будущее. В работе немецкого философа четко прослеживается мысль об упущенных возможностях европейской цивилизации.

«Мир есть добыча, – в конечном счете из этого факта вырастает человеческая культура» [Шпенглер 1995, с. 463] – таков лейтмотив его теории. Всё, созданное человеком, весь искусственный материальный мир для О. Шпенглера есть результат видовой трансгрессии, когда «творческий человек выходит из союза с природой и с каждым своим творением он уходит от нее всё дальше» [Там же, с. 469]. Научно-технический прогресс, таким образом, есть порождение исключительности человека, освоение большего, чем предписано видовой принадлежностью и местом в пищевой цепочке. Однако мыслитель с пессимизмом смотрит на будущее этого хищного человека, загнавшего себя в угол и уставшего от своих собственных свершений. Покорность и организованность материи не суть ее вечное состояние, техногенную цивилизацию мало было создать, ее следует обслуживать и развивать, что требует все новых и новых интеллектуальных ресурсов и неиссякаемого стремления к самоутверждению. Эти качества были у так называемого «фаустовского человека» как собирательного образа западного

человека с высокой степенью пассионарности в сфере технического творчества, но отсутствуют у современников О. Шпенглера. Однако же он постепенно уходит с арены истории, и мыслитель предсказывает упадок индустриальной цивилизации [Шпенглер 1995, с. 489].

Для О. Шпенглера категория собственности, в которую человек такой породы включает весь мир, есть лучшее доказательство его превосходства: «Хищник находится во вражде со всеми, на своей территории он не терпит никого себе равного – в этом корень королевского понятия собственности» [Шпенглер 1995, с. 463]. Созидание материального мира и обладание им здесь есть высшая форма активности живой материи, амбиции собственника мира движут человеком. У животного нет им самим созданной собственности, только природная данность, ограниченная его видовой принадлежностью, у человека-хищника же – сотворенный и принадлежащий исключительно ему мир.

Невозможно не заметить восхищения О. Шпенглера покорителем природы и творцом инструментов покорения, очевидна и сверхчеловечность этого инженерного гения и сожаление об эпигонстве грядущих поколений: «Фаустовское мышление начинает пресыщаться техникой. Чувствуется усталость, своего рода пацифизм в борьбе с природой», – с горечью констатирует О. Шпенглер [Шпенглер 1995, с. 489]. Таким образом, сотворенная утилитарная материальность выступает как демонстрация исключительности человека, его высшее достижение, а неутилитарные вещи, суть которых в идее, а не в материи, т. е. произведения искусства, бесспорно, у О. Шпенглера вторичны. Их самих порождает уже определенный уровень научно-технического развития. Шпенглеровская интерпретация сущности искусственной материи – это гимн материализму, демифологизация идеального и возвеличение инженерной мысли как двигателя прогресса. Ему чужды социалистические идеалы равенства, философ исходил из абсолютной его невозможности, ведь научно-технический прогресс, согласно О. Шпенглеру, есть воплощение хищнической природы человека, а отсутствие его есть прямое показание к подчиненному положению, поэтому социальное неравенство целесообразно и естественно. Можно сказать, что взгляды О. Шпенглера явились отражением той самой идеологии, с которой боролся К. Маркс. Очевидная противоположность взглядов в данном случае показывает методологическую сложность познания человеком общества, которая отсутствует при познании им природы; так человек, как познающий субъект, противопоставляется природе, а по отношению к обществу он является его частью, и, как следствие, познание его носит социально-исторически обусловленный характер.

К середине XX в. на Западе сложилось общество потребления. Послевоенное развитие экономики и рост доходов создали новые условия жизни, которые характеризуются максимальной включенностью индивида в процесс потребления. Экономический базис берет на себя новую роль – обеспечение человека счастьем, которое, как оказалось, теперь можно купить. Маркетинг все более отходит от убежденности в наличии полезных функций товара к визуальной трансляции осчастливленных этим товаром людей.

Соответствующая реакция духовной надстройки не заставила себя ждать. Философский дискурс кардинально изменил свою риторику, обнаружив в основе сотворенной материальности не покоренную природу, а поработанного человека, который полностью зависит от уровня развития материального мира. Худшие опасения Б. Рассела подтвердились. В середине 60-х гг. Г. Маркузе проблематизирует тему поработанного человека индустриальным обществом, которое научилось использовать «научное покорение природы для научного покорения человека» [Маркузе 1994, с. 17]. К тому же в отличие от марксизма, где подавление осуществляется эксплуатацией, у «дедушки новых левых» [Bourne 1979, p. 36], как Г. Маркузе назвал Т. Борн, человек закрепощен включением в систему обязательного потребления. Именно научно-технический прогресс в капиталистическом обществе «купил» у человека свободу в обмен на комфорт, так как, по словам Г. Маркузе, «технология служит установлению новых, более действенных и более приятных форм социального контроля и социального спланирования».

ния» [Маркузе 1994, с. 19]. Материальный мир для Г. Маркузе безусловно первичен в той степени, что определяет не только идеологию общества, мораль, культуру, но и потребности человека, самого себя воспроизводящего, по сути, как живое существо через удовлетворение все новых и новых навязанных потребностей. «Жизнедеятельность стоит на службе собственности, а не собственность стоит на службе свободной жизнедеятельности» – таков главный вывод Г. Маркузе [Marcuse 2005, p. 108].

Потребление как удовлетворение инстинкта поддержания жизни через максимизацию физического благополучия приводит к одобрению любого идеологического контекста в понимании Г. Маркузе, так как «в условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным» [Маркузе 1994, с. 2]. Материальность для человеческого восприятия выступает как первичное начало, так как благоприятные условия жизни сглаживают любые идейные противоречия. Здравый смысл человека, как существа не свободного от нужды в ресурсах извне, заставляет измерять все категориями эгоцентрического утилитаризма. В марксизме производство и потребление являются теми феноменами, которые отделяют человеческое бытие от животного мира, ведь люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства» [Маркс, Энгельс 1988, с. 15]. Поэтому сложно ожидать от субъекта поведения, не соответствующего его сущностным характеристикам.

В 70-х гг. Ж. Бодрийяр продолжил традицию рассмотрения диктата вещей по отношению к человеку. Философ обнаруживает корреляцию между экономической необходимостью постоянного роста производства и психологической потребностью приобретать новые вещи. Одной из особенностей исключительно человеческой природы является способность обладать вещами, а избыточное обладание вещами в обществе потребления становится уже маркером социального престижа. Бесконечное потребление быстро обесценивающихся вещей является условием существования индустриального общества и соответствующей экономической системы, а потому оценивается социумом исключительно положительно. Таким образом индустриальное общество уничтожило человека, который удовлетворяет свои потребности, ему на смену пришел человек, удовлетворяющий потребности экономической системы, теперь «именно производственное предприятие контролирует поведение на рынке, управляет социальными позициями и потребностями и моделирует их» [Бодрийяр 2006, с. 100].

Социолог К. Кэмпбелл в конце 80-х описал потребительский цикл, на непрерывности которого строится вся рассматриваемая социально-экономическая система: «желание-приобретение-использование-разочарование-возобновленное желание» [Campbell 1989, p. 90]. При этом отмечается постепенное притупление чувства удовольствия от приобретения, уменьшение времени использования и ускоряющееся разочарование, что превращает жизнь субъекта потребления в погоню за удовольствием [Ibid].

Очевидно, что во второй половине XX века философия стала видеть в индустриальной цивилизации орудие порабощения творца своим творением. Именно удовлетворением потребностей по поддержанию человеком своего физического состояния стала злоупотреблять экономическая система, навязывая и подгоняя сверхпотребление, делаю его маркером престижа. При этом на вторые роли уходит потребление материальных благ как утилитарных предметов, уступая место потреблению престижных материальных благ, которые несут в себе смысловую нагрузку, а не просто помогают выживать.

Таким образом, в ракурсе философского осмысления в постмарксистскую эпоху находится поиск границы, за которую не будет распространяться детерминизм материальности, поскольку рассматриваемый исторический период характеризуется тотальным детерминизмом научно-технического прогресса всех сфер жизни и торжеством материализма, который определяет ценности, потребности и цели человека.

Философские тексты отмечают, что экономическая система не просто навязывает товары, но и обеспечивает эмоциональную наполненность существования. В начале XXI века исследователь социально-философских проблем западного общества Барри

Смарт замечает, что процесс потребления «представляет для многих людей компенсацию за тяжелую работу, подрыв контроля и потерю смысла» [Smart 2010, p. 90]. Поскольку человек не в силах изменить свою жизнь, самореализация и самоактуализация ему недоступны, остается лишь выбрать замену им, обретая власть над материальным миром путем бесконечного потребления. Согласно Б. Смарту, человек в обществе потребления вместо качественного улучшения своей жизни или хотя бы устремлений в этом направлении ведет «образ жизни, который вращается вокруг желания вещей, тоски по вещам, покупки вещей» [Ibid, p. 4]. Таким образом, потребление примиряет человека с удручающей реальностью, создавая иллюзию осмысленности существования.

Упор на психологический аспект потребления делается и в современной отечественной философии. Развенчивается образ потребителя как объекта бесконечной манипуляции в статье «Философская апология потребителя: от потребительства к компетентности» Е. А. Батюты. В эпоху постмодерна он не «просто беспомощная марионетка в руках внешних сил» [Батюта 2013, с. 150], его можно назвать «компетентным потребителем» [Там же], который покупает не по воле маркетолога, а «исходя из желания участвовать в творческом акте самовыражения» [Там же]. Обнаруженная тенденция, а именно стремление приобретать что-то для дальнейшего созидания, возможно, свидетельствует о начале восстановления человеком контроля над экономической реальностью. При этом следует заметить, что, на примере данной статьи, философия по-прежнему чутко реагирует на все социально-экономические тенденции.

Важнейшее положение исторического материализма о непрерывности исторического развития и временности любого явления как следствия накопления в нем противоречий, приводящих к качественно новому устройству социально-экономической системы, реализовалось в появлении рассмотренных философских систем. Они и обнаруживают те самые противоречия, с которыми сталкивается общество потребления, а именно с дегуманизацией ценностных ориентиров.

Исторический материализм, использованный как основной методологический принцип при исследовании исторической специфики постмарксистской философии и при рассмотрении современной социально-экономической ситуации как базиса по отношению к доминирующим ценностным ориентациям, имеет определенную ограниченность, связанную с правомерностью утверждения о производительных силах общества как единственном источнике развития. Критика исторического материализма основывается на том, что ведущей силой является не уровень развития производительных сил, а уровень развития науки. В работе «Нищета историцизма» К. Поппер доказывает, что наука универсально первична, так как «значительное воздействие на человеческую историю оказывает развитие человеческого знания» [Поппер 1993, с. 4], и непредсказуема, поскольку «рациональные или научные способы не позволяют нам предсказать развитие научного знания» [Там же, с. 4–5], из чего следует, что и сам «ход человеческой истории предсказать невозможно» [Там же, с. 5].

Однако целесообразность использования исторического материализма как методологического принципа обосновывается неопровержимой взаимообусловленностью науки и техники, так как производство знания происходит с помощью новых технологий, которые сами по себе есть продукт науки. Кроме того, использование научного знания в прикладном ключе может быть направлено как на создание адронного коллайдера, так и на создание техники конвейерного производства. Поэтому при рассмотрении зависимости философии от уровня развития науки и техники несущественно, чем руководствовался ученый: стремлением наладить массовое производство или создать ускоритель элементарных частиц, поскольку в обоих случаях перед философией стоит задача осмысления последствий и того и другого.

Очевидно, что того же допущения придерживается Б. Рассел, поскольку в его размышлениях наука и технологии неразделимы. В частности, рассматривая вклад Галилео Галилея в развитие цивилизации, он демонстративно объединяет достаточно далекие друг от друга явления современности: «Рост населения, улучшение здоровья,

поезда, автомобили, радио, политика и реклама мыла – все это исходит от Галилея» [Russell 1962, p. 34]. Научно-технический прогресс, таким образом, есть универсальное стремление Homo sapiens покорить мир через создание технологий, которые открывают новые горизонты науки и одновременно создают новую среду, меняющую человека. Философия же традиционно стремится обнаружить глубинные связи между человеком и миром и понять, есть ли у человека хоть какая-то автономность от него.

Здесь под автономностью человека подразумевается независимость сознания от материи, что в контексте философии XX в. выражается в существовании таких направлений, которые продолжают заниматься вечными философскими проблемами, не обусловленными научно-техническим прогрессом и экономическим развитием: поиском смысла жизни, вопросом о свободе воли, полемикой между сторонниками абсолютизма и релятивизма в этической сфере и между гносеологическими оптимистами и пессимистами в плоскости познания мира. Влияние идей на материальную практику осуществляется, когда появление нового учения ничем не обусловлено, когда мыслитель обогнал свое время и в будущем его идеи будут частично или полностью реализованы.

На рассматриваемом историческом этапе философия демонстрирует обеспокоенность тотальным материализмом, стремясь не опровергнуть его первичность, а ограничить его детерминизм. Само же внимание философии к этой проблеме свидетельствует о нарастающих противоречиях внутри социально-экономической ситуации, когда «товарный фетишизм» грозит дегуманизацией всех человеческих взаимоотношений.

Список источников

- Батюта Е. А. Философская апология потребителя: от потребительства к компетентности // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 149–158. EDN SGIUVB.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.
- Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. В. Желнинова. М. : АСТ, 2021. 384 с.
- Кондрашов П. Н. Концепция историчности экзистенциального бытия в философии Карла Маркса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 125–137.
- Маркс К. Капитал : Критика политической экономии : в 3 т. Т. 1. Кн. 1 : Процесс производства капитала / пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 794 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1988. 574 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. Т. 37 : Письма Ф. Энгельса к разным лицам. М. : Изд-во полит. литературы, 1965. 600 с.
- Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. Юдина. М. : REFL-book, 1994. 368 с.
- Полякова Н. Б. Философия и экономика: аспекты взаимоопределения // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25, № 3. С. 5–9. EDN UNSBQB.
- Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М. : Прогресс : VIA, 1993. 187 с.
- Скибицкий М. М. Философия экономики: становление, структура и современные функции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета : науч.-практ. журнал. 2012. № 4 (8). С. 8–15.
- Уильямс Р. Базис и надстройка в марксистской теории культуры / пер. с англ. Е. Рапопорт под ред. И. Инишева // Логос. 2012. № 1 (85). С. 136–156.
- Шпенглер О. Человек и техника / пер. с нем. А. М. Руткевича // Культурология. XX век : антология / [сост. С. Я. Левит]. М. : Юристъ, 1995. С. 454–495.
- Bourne T. Herbert Marcuse: Grandfather of the New Left // Change. 1979. Vol. 11, no. 6. P. 36–37, 64.
- Campbell C. The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism. Oxford : Blackwell, 1989. 301 p.

- Marcuse H. Heideggerian Marxism / Ed. by R. Wolin, J. Abromeit. Lincoln : University of Nebraska Press, 2005. 228 p.
- Russell B. The Scientific Outlook. London : Allen & Unwin, 1962. 285 p.
- Smart B. Consumer Society: Critical Issues and Environmental Consequences. Los Angeles ; London : SAGE, 2010. 256 p.

Информация об авторе

Анна Олеговна Слепцова, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» (Воронеж, Россия).

Information about the author

Anna O. Sleptsova, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. of the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 23.06.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 28.07.2025.

Принята к публикации | Accepted 28.07.2025.